Три выстрела.

На собрании, посвящённом молитве, шла обычная беседа. Вдруг поднялся седовласый пожилой мужчина.

— Можно мне несколько слов сказать? — попросил он.

— Пожалуйста, подойдите к микрофону, — разрешил ведущий.

Мужчина неспешно направился к кафедре. В его походке угадывалась военная выправка. Зал затих в ожидании.

— Возможно, я никогда не был бы здесь с вами, если бы не увидел однажды невероятную картину. Это случилось на моих глазах.

Это произошло в 1943 году под Сталинградом. В тот день я, командир батареи, со своим расчётом располагался на территории военного аэродрома. Нашим временным жилищем стал транспортный самолёт. Мимо нас день и ночь шли колонны пленных немцев.

Вдруг конвоир остановил одну из таких колонн. Два немецких солдата вели своего товарища, который уже не мог идти — его буквально волокли. Конвоир сказал нам, что до эшелона этот пленный не дотянет, и предложил расстрелять его. Патроны у него были на счету, поэтому он попросил нас, артиллеристов, выполнить этот тяжкий долг и похоронить солдата.

Мы и сами привыкли к смерти, но рядом оказался повар — молодой парень, ещё не обстрелянный. Он взял «Парабеллум» и приготовился стрелять. Немец стоял на коленях и что-то шептал. По всему было видно, что он молится.

— Пусть помолится, — сказал кто-то.

Солдат молился около двух минут, потом поднял глаза к небу, опустил голову… Повар приставил пистолет к его затылку и нажал на курок. Раздался щелчок, но выстрела не последовало. Осечка.

Он выбросил патрон, дослал следующий. Снова осечка. Третий патрон — та же история.

Мы переглянулись. Артиллерийский техник взял пистолет, извлек патроны, осмотрел их, затем снова зарядил и трижды выстрелил в воздух. Все три раза — без осечек.

Мы видели много смертей и даже чудес, но это потрясло всех.

— Значит, Бог не хочет, чтобы он умер, — пробормотал кто-то.

Мы затащили пленного в самолёт, растёрли его спиртом, согрели у буржуйки. Он уснул, а потом мы отправили его в санбат.

Этот случай стал для меня переломным. Впервые я осознал, что есть Сила, управляющая жизнью людей.

Мне было двадцать. В семь лет я остался сиротой — родители умерли от голода. Детдом был переполнен, и меня отдали на попечение полуслепой старухе. Летом я работал в колхозе, зимой учился. В четырнадцать чудом устроился в заводское училище в Киеве. Стипендии хватало на булку да сто грамм конфет-подушечек. Спасала бесплатная столовая на Крещатике: за копейку давали чай, а хлеб лежал на столах. Такого «обеда» хватало на двое суток.

После училища, в начале войны, я стал командиром орудия — оборонял Москву, потом Сталинград. Нам было не легче, чем окружённым солдатам Паульса. Немцы получали снабжение по воздуху, но со временем перевес оказался на нашей стороне. Агитбригады через громкоговорители уговаривали румын, итальянцев и немцев сдаваться.

И вот Паулсьс капитулировал. Тысячи измождённых, обмороженных солдат строились в колонны. Та зима была лютой. Но мы радовались — война для нас закончилась.

Однажды наши нашли метиловый спирт. Многие из моего взвода напились. Из девяноста человек выжило десять. Я не пил — это спасло мне жизнь.

Тогда я впервые задумался о бессмысленности войны, о Боге. И случай с тем пленным навсегда врезался в память.

В 1944-м я был ранен под Харьковом. После войны учился в Ленинграде, работал в милиции, окончил академию МВД. Мои решения влияли на судьбы людей. В те времена было два закона: государственный и партийный. Но я так и не стал атеистом.

Каждую ночь я просыпался и мысленно обращался к Богу за мудростью. А выйдя на пенсию, ощутил в душе пустоту.

Я начал читать Библию. Сначала Ветхий Завет, но потом понял, что надо было начать с Нового. Меня поразил Давид — такой могучий царь, называвший себя рабом Божьим.

Однажды я не спал всю ночь, перебирая воспоминания. Утром собрал семью, встал на колени и попросил у них и у Бога прощения.

Тогда в моей душе что-то щёлкнуло. Я нашёл то, чего не хватало.

Позже родственник привёл меня в собрание. 30 ноября 1991 года я крестился.

Комментарии